

Хунхузничество: историография в России, на Западе и в странах Азии

(тезисы к докладу)

Хунхузничество является специфической формой бандитизма, зародившейся в Китае и распространившейся на Дальний Восток. С выходом империалистических интересов России и Японии на границы Китая, а также в период революций и гражданских войн, охвативших регион на начале XX века хунхузничество приобрело ещё более крупный размах и стало важным субъектом военно-политической, социальной и даже культурной жизни региона вплоть до его подавления на Дальнем Востоке в конце 1930-х годов и до полного уничтожения в Маньчжурии китайскими коммунистами после победы Китайской революции в 1949 году.

Феномен хунхузничества привлекал отечественных исследователей начиная с периода изучения края русскими путешественниками, в путевых заметках почти каждого из которых есть как минимум упоминание хунхузов¹. О них писал известный русский исследователь и этнограф Ф.Ф. Буссе, также вопрос хунхузов освещался в цикле статей газеты Восточное обозрение².

Примерно тогда же начались попытки выделить хунхузов как отдельную социальную группу. Так, в выпуске № 1 Сборника географических, топографических и статистических материалов по Азии, выпущенном Военно-учёным комитетом Главного штаба в 1883 году есть часть, посвящённая хунхузам. Под заголовком «Хунхузы и что такое они» даётся крайне интересная для тех времён формулировка: «... хунхузы – это китайские пролетарии, лишённые в силу тех или других обстоятельств заработка. Разбойников по ремеслу между ними почти нет. Вопрос об уничтожении хунхузов – есть вопрос об устройстве *экономического быта* китайских пролетариев, ищущих заработка в смежной с Китаем малонаселённой Маньчжурии и в нашем Уссурийском крае»³. Таким образом наблюдателям уже тогда было понятно, что хунхузы представляют собой гораздо более сложное социальное явление, нежели просто уголовный элемент.

В дореволюционной литературе можно встретить описание хунхузов как «соловьёв-разбойников на азиатской почве», отмечая при этом, что хунхуз «значительно умереннее и, пожалуй, культурнее Соловья-разбойника и Стеньки Разина», что «сделаться ‘хунхузом’ заставляют китайца только нужда, постигшие

¹ См. н-р Пржевальский Н. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 г. СПб: Типография Н. Неклюдова, 1870; Виноградов, А. В дальних краях: Путевые заметки и впечатления. Москва: типолит. т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1901; Муров, Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока: От Владивостока до Хабаровска: (Путевой дневник) - Томск: паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1901.

² Буссе, Ф. Значение хунхузов для Южно-Уссурийского края // Голос. 1880 № 35; Что такое хунгузы // Восточное обозрение. 1885. № 39, 40, 44 и пр.

³ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. - Санкт-Петербург: Военно-ученый ком. Главного штаба. С. 23.

бедствия, да ряд сплошных неудач...»⁴. В целом же до революции изучение хунхузов в основном сводилось к описанию через призму личного восприятия в виде заметок или к изучению объекта, с которым необходимо бороться⁵.

В советское время хунхузы практически не становились объектом отдельного исследования, хотя часто упоминались на страницах трудов, посвящённых современной для авторов политики или истории Северо-Востока Китая⁶. Причиной тому видится формальное отношение хунхузов к люмпен-пролетариату, который, как известно представляет собой «пассивный продукт гниения самых низших слоев старого общества», который «гораздо более склонен продавать себя для реакционных козней»⁷.

Возрождение интереса к изучению проблемы хунхузов в России начался с рубежа 80-х – 90-х годов XX века и продолжает оставаться относительно высоким до настоящего времени. Так, небольшой обзор хунхузничества содержится в труде Ф.В. Соловьёва «Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917)», увидевшим свет в 1989 году. В нём автор оспаривает точку зрения некоторых исследователей, что появление хунхузов на Дальнем Востоке связано с прибытием в Маньчжурию «преступного элемента, скрывавшегося от преследования цинских властей, и вообще подонков китайского общества». Он указывает на то, что хунхузничество не было «случайным надклассовым явлением», а стало продуктом «разложения феодализма, зарождения и развития капиталистических отношений в маньчжурии», став естественным возмущением низших слоёв китайского населения против национального и социального гнёта маньчжурских завоевателей, китайских помещиков и чиновников»⁸.

Основными современными отечественными авторами по проблеме хунхузничества являются Г.А. Сухачева и Д.В. Ершов⁹. Г.А. Сухачёва – автор множества статей по истории хунхузов в России¹⁰, их историографии¹¹ и об истории борьбы с ними в разные исторические периоды¹². Д.В. Ершов – автор вышедшей в 2009 году монографии

⁴ Полятус, С.С. Японцы, корейцы и хунхузы. Очерки из жизни азиатов Дальнего Востока. Одесса. 1904.

⁵ Ювачев, И.П. Борьба с хунхузами на маньчжурской границе // Ист. вестник. М., 1900. № 10.

⁶

⁷ Маркс, К. Энгельс Ф. Манифест Коммунистической Партии. М.: Госполитиздат, 1950. С. 44.

⁸ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861-1917 гг.). М.: Наука, 1989. С. 87.

⁹ Ершов, Д. В. Русский флот в борьбе с хунхузами. Конец XIX — начало XX в. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 53–62.

¹⁰ Сухачева, Г. А. Хунхузы в России // Россия и АТР. 1996. № 4. С. 90-96.

¹¹ Сухачева, Г. А. Дореволюционная литература о хунхузах в России // Исторический опыт освоения Дальнего Востока / Ответственный редактор Забияко А.П.. – Благовещенск: Амурский государственный университет, 2001. С. 42-46; Сухачева, Г. А. Историки о борьбе с хунхузами в период восстания ихэтуаней (1900–1901 гг.) // Россия и АТР. 2009. № 3(65). С. 11–17.

¹² Сухачева, Г. А. «Бич страны». Хунхузы в Маньчжурии и Приморье в 20-е годы XX в. // Россия и АТР. 1992. № 1; Сухачева, Г. А. Охранная стража КВЖД и хунхузы (1897–1920) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Материалы первой

«Хунхузы: необъявленная война»¹³. Помимо этого, есть публикации, посвящённые хунхузам в повседневной жизни Дальнего Востока¹⁴, в последнее время проводятся попытки раскрыть роль хунхузов в шпионаже в период Русско-Японской войны 1904–1905 гг.¹⁵. Отдельно стоит упомянуть исследователя деятельности органов правопорядка на Дальнем Востоке Н.А. Шабельникову, из-под пера которой в 2018 году вышла монография, в которой также уделено внимание борьбе с хунхузничеством¹⁶.

Таким образом, состояние отечественного «хунхузоведения» можно охарактеризовать как развивающееся: работы по данной теме появляются относительно регулярно, растёт круг рассматриваемых тем.

Вместе с тем, за рубежом исследования феномена китайского бандитизма представлены большим количеством работ по довольно обширному спектру связанных с ним вопросов. Кратко упомянем лишь малую часть наиболее актуальных из них.

В англоязычном сегменте тема маньчжурских бандитов и России не является приоритетным направлением исследований, хотя есть работы, например, по трансграничной контрабанде и пр¹⁷. Тем не менее, трудами англоязычных учёных появилось «бандитоведение» как отдельное направление на стыке исторической науки и социологии. Теоретический фундамент для его разработки был заложен во второй половине XX века известным британским историком-марксистом Эриком Хобсбаумом. В 1959 году вышла его первая работа «Примитивные повстанцы» (*Primitive Rebels*), в которой автор посвятил главу описанию предложенного им термина «социальный бандитизм» (*social banditry*)¹⁸. Впоследствии Хобсбаум углубился в изучение этого вопроса, результатом чего стала вышедшая в 1969 году книга «Бандиты» (*Bandits*). В своих работах Хобсбаум предложил понятие «социальный бандитизм», определяя таких бандитов как крестьян вне закона с точки зрения правительства, но которые не порвали с крестьянским обществом и самим народом воспринимаются как борцы за

международной научно-практической конференции, Владивосток, 24–26 сентября 1997 года / Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева; Дальневосточный государственный университет; Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1999. С. 110-117; Сухачева, Г. А. Борьба с хунхузничеством в Маньчжурии в конце XIX - первой трети XX в. // Россия и АТР. 2008. № 4(62). С. 104–112.

¹³ Ершов, Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. Москва : Центрполиграф, 2009; Ершов, Д. В. Русский флот в борьбе с хунхузами. Конец XIX — начало XX в. // Вопросы истории. 2009. № 12. С. 53–62.

¹⁴ Кружалина А. А. Манзы и хунхузы в повседневной жизни Дальнего Востока (вторая половина XIX века) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. 2015. № 7. С. 161-168.

¹⁵ Гуринов, С. Л. Японские шпионы в Монголии во время русско-японской войны 1904–1905 гг. // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2022. № 2(31). С. 56–60.

¹⁶ Шабельникова, Н.А. Милиция Дальнего Востока России (1922–1930-е годы): исторический опыт организации и деятельности: монография. Хабаровск: РИО ДВЮИ МВД России, 2018.

¹⁷ Sören Urbansky. “Vasily” of China and his Russian Friends: Smugglers and their Transcultural Identities // Dan Ben-Canaan Frank Gruner ed. *Entangled Histories. The Transcultural Past of Northeast China*. 2014.

¹⁸ E. J. Hobsbawm. *Primitive Rebels*. Manchester University Press, 1959.

справедливость. При этом Хобсбаум подчёркивал, что этот феномен присущ не какой-либо конкретной культуре, а является универсальным, отражая похожее положение дел внутри крестьянских обществ вне зависимости от страны¹⁹. Эта книга вызвала оживлённую дискуссию среди западных историков. Лагерь противников хобсбаумской теории возглавил голландский антрополог Антон Блок (Anton Blok), который утверждал, что основной задачей бандитов является не столько социальная справедливость, сколько выживание. Социальный протест – это миф, выстроенный вокруг бандита, а его основной движущей силой является желание выжить, добиться почёта и власти²⁰. В ходе этой дискуссии взгляды Хобсбаума исправлялись и дополнялись. Его книга выдержала 4 издания, последнее из которых увидело свет в 2000 году²¹. В 2020 году в России вышел перевод этой книги²².

Одним из ценных вкладов в изучении этого феномена как «социального бандитизма» стали исследования Элизабет Пэрри (Elizabeth Perry). Так, рассматривая этот феномен на примере восстания Бай Лана 1912–1914 гг. Пэрри отмечает, что, несмотря на невозможность универсального применения концепции Хобсбаума ко всем китайским бандитам, именно социальная природа движения Бай Лана и его опора на крестьян, а не на местных феодалов, и стала ключом к его выживанию, позволив продержаться сравнительно долго²³.

Своего рода водоразделом для этой дискуссии применительно к Китаю стал вышедший в 1988 году фундаментальный труд по китайскому бандитизму базировавшегося в Японии британского исследователя Филипа Биллингсли (Philip Billingsley) «Бандиты в республиканском Китае» (Bandits in Republican China). В своей работе на внушительном количестве английских, китайских и японских источников показал всю сложность этого явления, которое, по его мнению, не ложится ни в рамки Хобсбаума, ни в рамки Блока. Фокусируя внимание на «самой бандитской провинции Китая» - Хэнани, Биллингсли описал процесс распространения бандитизма по Китаю, структуру банды и отношения внутри её, отношения бандитов с народом, их цели, а также их взаимоотношения с китайскими коммунистами²⁴. В качестве ещё одного труда по бандитизму в Китае и не только следует отметить работу 2017 года Брэдли Дэвиса (Bradley Camp Davis) «Имперские бандиты» (Imperial Bandits). В своём труде Дэвис фокусирует внимание на бандформированиях китайско-вьетнамского приграничья, в первую очередь на армиях «чёрного» и «жёлтого» знамён, которые создавали «культуру насилия». По мнению автора эта «культура насилия» является стержнем любой власти, вне зависимости от идеологии, и именно орудуя на

¹⁹ Eric Hobsbawm. *Bandits*. The New Press, 2000. P. 20-21.

²⁰ См. н-р Anton Blok. *The Peasant and the Brigand: Social Banditry Reconsidered*. *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 14, No. 4 (Sep., 1972), pp. 494-503.

²¹ Eric Hobsbawm. *Bandits*. The New Press, 2000.

²² Эрик Хобсбаум. *Бандиты*. Университет Дмитрия Пожарского, 2020.

²³ Perry, Elizabeth J. *Social Banditry Revisited: The Case of Bai Lang, a Chinese Brigand*. *Modern China*, vol. 9, no. 3, 1983, pp. 355–82.

²⁴ Phil Billingsley. *Bandits in Republican China*. Stanford University Press, 1988.

приграничных территориях, создавая «культуру насилия», эти «имперские бандиты» стали своего рода проводниками для «установления вьетнамской, китайской имперской власти и даже французского колониального правления»²⁵.

Подытоживая, можно сказать, что англоязычные исследования, благодаря уже вошедшему в практику использованию как первичных источников, так и исследований на восточных языках, обладают богатым фактическим материалом, однако не менее ценными являются их попытки подвести под феномен китайского бандитизма теоретический фундамент, описывающий как его общие особенности и многообразие.

Литература по китайским бандитам на японском языке крайне обширна, поэтому в данном докладе хотелось бы ограничиться лишь двумя темами. Одной из отличительных особенностей японоязычных исследований является то, что, как и в России, основное внимание в силу объективных причин уделялось именно маньчжурским бандитам, который в Японии называют «бадзоку» (馬賊), «конными бандитами». Одной из самых известных в Японии тем, посвящённым хунхузам и России является их использование в военных действиях в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. Тогда для нанесения вреда тыловому обеспечению русской армии под руководством офицера японской разведки Ханада Наканосукэ (花田仲之助) из хунхузов была сформирована т.н. «Маньчжурская армия справедливости» (滿洲義軍). По этой теме в Японии сохранилось большое количество довоенных работ²⁶. Из послевоенных работ следует отметить труды Ватанабэ Рюсаку (渡辺龍策), который, отдельно останавливаясь на Русско-японской войне, предпринял попытку обобщить историю хунхузов Маньчжурии, начиная с их появления, связи с местными милитаристами, осветить их роль в событиях после основания Маньчжоу-го и отношение с т.н. «коммунистическими бандитами» (共匪), как японские власти и гоминдановцы называли в то время красные партизанские отряды, заканчивая концом всего бандитского движения в регионе в 1940-х²⁷.

Одной из важных тем в работе Ватанабэ являются «хунхузы японского происхождения», и это – вторая важная тема, привлекающая японских исследователей. Наиболее известными объектами исследования японского фактора хунхузничества – истории таких деятелей как «короля бандитов» Кохината Хакуро (小日向白郎)²⁸ и

²⁵ Bradley Camp Davis. *Imperial Bandits Outlaws and Rebels in the China-Vietnam Borderlands*. University of Washington Press, 2017. P. 157.

²⁶ 谷壽夫『機密日露戦史』(原書房、1966年)黒龍会編『東亜先覚志士記伝 上巻』(黒龍会出版部、1935年;原書房、1966年復刻版);東亜同文会編『対支回顧録 上巻』(対支功労者伝記編纂会、1936年;原書房、1968年復刻版);山名正二『滿洲義軍』(月刊滿洲社東京出版部、1942年;大空社、1997年復刻版);邊見勇彦『滿洲義軍奮闘史—自伝—』(先進社、1931年);隈元常矩『興亜記—滿洲義軍物語—』(春江堂、1942年);隈元常矩『大陸の義人—滿洲義軍花田仲之助伝—』(協栄出版社、1943年)。

²⁷ 渡辺龍策『馬賊 - 日中戦争史の側面』(中中公新書、1964年)。

²⁸ 朽木寒三『馬賊戦記 小日向白朗と滿洲』(番町書房、1966年);関浩三『日本軍の金塊 : 馬賊王・小日向白朗の戦後秘録』(学研パブリッシング、2013年);池田知隆『謀略の影法師 :

одного из т.н. «ронинов большой земли» Датэ Дзюнносукэ (伊達順之助)²⁹.

В Китае начало академического изучения феномена бандитизма также относится к концу 1980-х-началу 1990-х годов. Это связано как с публикацией труда Биллингсли, так и с наступлением периода «реформ и открытости». Тогда китайских историков в первую очередь привлекло изучение политики Коммунистической партии Китая в отношении бандитов. Китайские историки революции выделяют три этапа в истории взаимодействия КПК и хунхузов. Первый этап – с начала т.н. «периода Великой революции» (大革命时期, т.е. с формирования первого объединённого фронта КПК и ГМД в 1923 году после III съезда КПК) до VI съезда КПК в 1928 году. В этот период бандиты признавались «видоизменённой формой крестьянского сопротивления», а их сами поделили на три группы. Основной линией этого периода, по мнению китайских историков, было «устанавливать связь, но не союз». Второй период, в китайской историографии именуемый «периодом аграрной революции» (土地革命时期) продолжался с 1927 по 1937 год. В этот период партию сотрясали т.н. «левые уклоны», в результате чего партию бросало в крайности, что выражалось в установке настраивать «[бандитские] массы против вождей». Часто на местах были перегибы, устраивались чистки. Это вызывало конфликты, в результате которых было «убито по ошибке» (错杀) много в принципе людей. Третий период китайские исследователи относят ко второй Японо-китайской войне 1937–1945 гг., когда основной установкой было «завоевание [бандитов] воспитанием и объединение против Японии». После окончания войны с Японией и начала очередного этапа гражданской войны, руководство КПК стало проявлять гораздо меньшую терпимость к хунхузам, объявив, что даже те, у которых нет связей с помещиками, «подлежат беспощадным ударам»³⁰.

В отношении Маньчжурии в настоящее время китайские исследователи преимущественно интересуются вопросами роли хунхузов Маньчжурии в период «Освободительной войны» (解放战争, т.е. третий этап гражданской войны 1946–1950 гг.)³¹, их связи с Японией³². Тема же связи хунхузов с Российской Империей и Советской Россией, несмотря на обильное количество опубликованных первичных источников. Остаётся на данный момент малоизученной.

日中国交正常化の黒幕・小日向白朗の生涯』(宝島社、2022)。

²⁹ 都築七郎『伊達順之助の歩んだ道』(大勢新聞社、1964年); 伊達宗義『灼熱一実録伊達順之助一』(蒼洋社、1979年)。

³⁰ 试论中国共产党对土匪工作的策略[J]. 王全营. 商丘师专学报(社会科学版). 1988(4); 黄琨《从暴动到乡村割据 1927-1929》上海社会科学出版社, 2006.

³¹ 北满解放区农村政权建设研究(1945-1949) [D]. 刘文健. 东北师范大学 2021;

³² 近代东北土匪及其与日本关系研究 [D]. 张婵玉香. 云南师范大学 2013.